

ПРИНЦИП НЕНАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

*А. С. Лепина, аспирант кафедры культурологии учреждения
образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств»*

Аннотация. В статье рассматривается концепция Т. Мортон в контексте идеи реализации принципа ненасилия в современной экологической культуре. Определяется главная проблема современного экологического знания, выявляются существенные характеристики экологических феноменов и деконструируется понятие природы. Было выявлено, что ключевой проблемой в реализации принципа ненасилия в отношении природы является некорректность в определении экологических объектов. Также была обоснована неуместность использования самого термина «природа» при рассмотрении экологических проблем на основании его несоответствия реальным феноменам. Исходя из позиции Т. Мортон, была обоснована необходимость изменения стратегии в разрешении экологических проблем, а также в постижении сущности тех феноменов, которые находятся в их основе. Принцип ненасилия был определен в качестве главного принципа, находящегося в основе всех социокультурных и политических проектов по экологии.

Ключевые слова: принцип ненасилия, природа, экологические феномены, биоцентризм

THE PRINCIPLE OF NON-VIOLENCE IN A MODERN ECOLOGICAL CULTURE

*H. Lepina, Postgraduate student of the Department of Cultural Studies
of the Educational Establishment «The Belarusian State University
of Culture and Arts»*

Abstract. The article examines the concept of T. Morton in the context of the idea of implementing the principle of non-violence in a modern ecological culture. The main problem of modern ecological knowledge is determined, the essential characteristics of ecological phenomena are revealed, and the concept of nature is deconstructed. It was revealed that the key problem in the implementation of the principle of non-violence against nature is incorrectness in the definition of ecological objects. The inappropriateness of using the term nature itself when considering environmental problems was also justified on the basis of its inconsistency with real phenomena. Based on the position of T. Morton, the necessity of changing the strategy in resolving environmental problems, as well as in comprehending the essence of the phenomena that are at their basis, was substantiated. The principle of non-violence has been identified as the main principle underlying all socio-cultural and political projects in the environment.

Keywords: principle of non-violence, nature, ecological phenomena, biocentrism.

Современная культура характеризуется парадигмой биоцентризма, торжество которой влечет за собой множество преобразований в сфере культурной жизни (например, становление и развитие масштабной культурных и политических программ, направленных на поиск решений экологических проблем). К числу значимых интеллектуальных разработок в этой области следует отнести концепцию Т. Мортон. Мыслитель критикует научные знания по экологии, культуре и философии, утверждая несостоятельность экологии как науки.

Свою критику сложившегося в современной экологии подхода Т. Мортон начинает с рассмотрения понятия *природы*, которым оперируют естественные и социально-гуманитарные науки [3]. Свое внимание к данному термину исследователь объясняет массовой востребованностью экологической тематики и особым вниманием к ней со стороны большинства наук. В настоящий момент рассмотрение экологических вопросов происходит не только в сфере естественнонаучного знания, но и в сфере социально-гуманитарного, что влечет за собой возникновение ряда противоречий. Это становится ясным на примере рассмотрения политической экологии. Парадигма биоцентризма является следствием развития не объективного знания о природе, а утверждения определенных политических программ, направленных на преобразование культурной жизни. Особое внимание к экологическим проблемам и к самой природе обусловлено полаганием принципа ненасилия в основу всех сфер жизни общества. Именно включение принципа ненасилия в число базовых моральных принципов сыграло главную роль в международном признании незаконности всякого человеческого рабства, осуждении половой, расовой и национальной дискриминации и т. д. В настоящий момент в вопросах этичного отношения все чаще фигурирует феномен природы. Деятельность многих социокультурных и даже некоторых политических организаций сосредоточена на поиске эффективных стратегий по преодолению умышленного и неумышленного вреда экологическим объектам. Однако при рассмотрении экологических вопросов обнаруживается, что природа не является тем, что под ней принято понимать. При попытке обозначить субъект, в отношении которого предполагается построение тех или иных этико-экологических стратегий, обнаруживается, что его невозможно определить через отождествляемые с ним дефиниции. Т. Мортон максимально углубленно исследует эту проблему и формулирует свою идею кризиса объективности. Он убежден в необходимости отказа от понятия *природа* для полной экологической сознательности, определяя его как ненатуральное, искусственное понятие. Столкновения с *природой* не происходят в феноменальном опыте. Если природа – это совокупность определенного рода предметов, то можно перечислить эти предметы, но в итоге в перечне чего-нибудь не хватает, или, при включении неживых форм, происходит ситуация, в которой понятие *природа* включает в себя абсолютно все. «Понятие Природы имеет

смысл, когда оно является нормативным, а эта нормативность основывается на разнице между Природой и Не-природой» [3, с. 11]. Невозможность преждевременного решения того, что включать в перечень, деактуализирует данное понятие. «Современность – это история о том, как наука подорвала прочную и устойчивую концепцию Природы, продемонстрировав, что границы между живым и неживым или между способностью и неспособностью ощущать недостаточно однозначны и отчетливы для того, чтобы разделить сущности на природные и неприродные» [3, с. 5]. Если взять в качестве точки опоры теорию Дарвина, то на ее примере становится видно, что живые формы происходят из неживых, а также и то, что из одних форм жизни возникают другие. Таким образом, если руководствоваться данной теорией, исследователь имеет дело с огромным количеством различных сущностей, которые уникальны и отличны друг от друга, однако с эволюционной точки зрения они все связаны. Но и здесь происходит столкновение с парадоксами, которые обозначают себя при разделении процесса эволюции на небольшие отрезки.

Первым парадоксом является «парадокс Зенона». «Парадокс Зенона заключается в следующем: если допустить, что время и пространство – это ряд конкретных, постоянно присутствующих единиц, то преодолеть расстояние от одной точки пространства до другой невозможно, так как любое движение можно поделить на бесконечно малые отрезки, что в конечном итоге приведет к остановке» [3, с. 9]. Для преодоления данного парадокса необходимо отказаться от идеи постоянного присутствия незабываемых временных и пространственных систем отсчета.

Вторым парадоксом является «парадокс кучи», говорящий о сущностях, не имеющих четких границ, которыми являются многие экологические объекты. «Если я сорву с дерева лист, лес по-прежнему останется лесом. Если продолжать обрывать листья, затем взяться за ветки, а потом перейти к деревьям, то, следуя этой логике, лес так и будет оставаться лесом, даже если в нем в конце концов не останется ни одного дерева. Из этого легко сделать неверный вывод, что леса не существует. Однако мы знаем, что лес – это определенный объект. Или наоборот – можно посадить одно дерево и совершенно справедливо заявить, что оно не является лесом. Можно продолжить и посадить на этой территории многие тысячи деревьев, но, по той же логике, они так и не станут лесом» [3, с. 9]. Для преодоления данного парадокса необходимо принять тот факт, что экологические объекты не являются непосредственно и постоянно присутствующими объектами. Также необходимо принять и еще один факт, который говорит о том, что некоторые из реальных предметов состоят из ряда других предметов, не содержащих себя в качестве своего собственного элемента. Данное утверждение нарушает запрет Б. Рассела, связанный с множеством всех множеств [4]. Экологические сущности неоднозначны и противоречивы в том смысле, который употребляет Б. Рассел.

Отдельная жизненная форма представляет собой совокупность тех вещей, которые этой жизненной формой не являются.

На основании данных утверждений формируется следующее положение, которое вынуждает отказаться от еще одной концептуальной модели как попытки понимания экологических сущностей. Речь идет о метафизике присутствия и вынужденном отказе от определения существования через постоянное присутствие. Данное предубеждение, которое определяет сущность существования, не позволяет выяснить, чем являются жизненные формы и экологические объекты. «Можно заключить, что эти взгляды являются пережитком западного мышления докантовской и доюмовской эпохи, когда определенные метафизические истины устанавливались без тщательного анализа того, что лежит в их основе» [3, с. 17]. В основании данных взглядов находится представление о чередовании постоянных причинностей как причины существования. Таким образом, если проследить достаточно далеко тянущуюся в прошлое цепочку причинных связей, то в конечном итоге можно добраться до богоподобной сущности, до существа, являющегося причиной самого себя. «Дело в том, что понятие причин как постоянно присутствующих метафизических сущностей, которые лежат в основе следствий, является очень сомнительным. В этом смысле современная наука следует Д. Юму, и разработке теории глобального потепления всегда препятствуют теория, которая отрицает климатические изменения» [3, с. 23]. При этом к настоящему моменту не выявлено достаточно оснований, чтоб утверждать то, что из одной конкретной причины следует конкретное необходимое следствие [5]. В подтверждение позиции Д. Юма следует привести аргументацию И. Канта, который говорит, что должно быть нечто, что уже дано нашему созерцанию [1]. Таковым являются пространство и время. Эти способы созерцания являются априорными синтетическими суждениями, дающими возможность помыслить, например, причинность. Они являются собой готовые понятные схемы, которые соотносены с реальными предметами. Именно таким путем мы приходим к выводу о существовании реальности, а не через ее осознание. «Экологические явления, такие как климат и биосфера, представляют собой крайне изящные примеры явлений, которые можно помыслить – часто с помощью компьютерных технологий, – но нельзя увидеть или потрогать» [3, с. 25–26]. На данном примере можно продемонстрировать открытие Канта, связанное с обнаружением раскола между феноменами опыта и тем, что эмпирически недоступно. Нельзя напрямую указать на то, что находится в основании вещи. Есть возможность лишь помыслить вещь, и только в мышлении обнаруживается раскол.

Таким образом, сегодня понятие природы не является пригодным при постановке и решении экологических проблем. Невозможно напрямую указать на то, что понимается под термином «природа», выделить нечто, что является постоянно присутствующей природой. То, что находится за вещами, понятыми как природа, является значительно большим, чем то, что

дается в феноменальном опыте. Реально существующие экологические объекты заключают в себе непреодолимую пропасть между тем, что они есть, и тем феноменом, формой, в которой они являются. Таким образом, форма, дающая некоторую информацию о вещи, является, по своему определению, информацией о прошлом. «Утверждение, что форма есть прошлое, станет понятнее, если мы вспомним специальную теорию относительности. Существует ограничение в скорости передачи информации – информация не может передаваться мгновенно. Чтобы что-то явилось, должно пройти время» [3, с. 33]. Данное утверждение приводит к необходимости отказаться от попытки приблизиться к сущности вещи через ее форму. Из этого следует вывод о том, что сущность предмета является ее будущим. Речь не может идти о вычисляемом и предсказуемом будущем, т. к. представление о будущем как о постоянно метафизически присутствующем точно так же ошибочно, как и соответствующее суждение о прошлом. «Из-за странного раскола между прошлым и будущим, а также в связи с тем, что предмет как бы “растянут” между этими двумя временными характеристиками, сущее всегда немного “опережает само себя”» [3, с. 36]. Таким образом, экология являет собой ту самую открытую людьми сущность, которая своим примером подрывает привычное понимание пространственно-временных масштабов. Исследователь имеет дело с природой, которая не присутствует здесь полностью, что влечет за собой необходимость признать невозможность ее полного постижения. Речь идет о сущностях, которые не могу определяться как нечто свершенное, но только как имеющееся. «Сущность – это своего рода изотоп самой себя, который со временем истощается, энергия которого утекает через внутренний разлом между тем, что он есть, и тем, как он является» [3, с. 40]. Можно говорить о настоящем только относительно настоящего конкретной вещи, но не о настоящем вообще. А настоящее вещи, в свою очередь, представляет собой лишь способ, которым явление представляет себя. «Таким образом, экология вынуждает нас увидеть, что мы находимся в этом загадочном, невозможном пространстве между прошлым и будущим, возникшем из-за несовпадения во всех точках эмпирического пространства прошлого и будущего, которые скользят мимо друг друга» [3, с. 45].

Т. Мортон освобождает экологические феномены от заведомо ложных ярлыков, данных человеком, а также констатирует главную проблему экологического знания. На примере критики последнего философ подводит современное общество к осознанию кризиса всей культуры, целиком замкнутой на субъекте. Несостоятельность экологического знания означает не только неспособность решения глобальных экологических проблем, но и неспособность абсолютизации моральных предписаний. Принцип ненасилия, действующий в качестве ключевого, в большинстве экологических притязаний со стороны науки и политики не находит своего корректного выражения. Это обусловлено тем, что новый субъект морали, представленный в виде природы, так и не был определен. Существен-

ные изменения возможны лишь при условии признания экологических объектов феноменами иного порядка: динамичных, неуловимых, текучих, непостоянных. В широком смысле это означает принятие всех объектов как действующих акторов. Именно в этой действительности, находящейся в постоянной несовершенности, и заключается возможно познанный сущность всех объектов, возводимых в статус морального субъекта. До тех пор, пока не произойдет такой переход, принцип ненасилия, понимаемый как абсолютный моральный принцип, остается утратившим своего субъекта, а все попытки переосмысления его содержания будут замыкаться сами на себе. Позитивные культурные, социальные и политические программы, направленные на «прежнюю» природу, не привели ни к каким существенным изменениям именно по этой причине: они были нацелены на иллюзорный мир, состоящий из природы-субъекта и природных объектов-феноменов.

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. – 768 с.
2. Латур, Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / Б. Латур. – М.: Ad Marginem Press, 2018. – 510 с.
3. Мортон, Т. Экология без природы / Т. Мортон. – М.: Наука, 2013. – 55 с.
4. Нарский, И. С. Философия Бертрана Рассела / И. С. Нарский. – М.: Мысль, 1962. – 117 с.
5. Нарский, И. С. Философия Давида Юма / И. С. Нарский. – М.: МГУ, 1967. – 358 с.

УДК 069.1:069.9

ДЕНЬ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА В ЭКСПОЗИЦИОННО- ВЫСТАВОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*А. А. Лесин, ведущий научный сотрудник научно-методического
отдела государственного учреждения «Национальный исторический
музей Республики Беларусь»*

Аннотация. Статья посвящена деятельности Национального исторического музея Республики Беларусь по коммеморации воссоединения белорусского народа в едином государстве в 1939 г. Охарактеризована экспозиционно-выставочная деятельность музея, приуроченная к новому государственному празднику – Дню народного единства, впервые отмеченному 17 сентября 2021 г. Работа учреждения как республиканского научно-методического центра музеев исторического профиля имеет очевидную ценность для музейного дела всей республики.